Научная статья

УДК 821.161.1
DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-62-77

Сюжеты сновидений в прозе хантыйских, мансийских и эвенкийских писателей

Наталья Алексеевна Непомнящих

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

nat.mir.dekabr@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-5958-0554

Аннотация

Предметом исследования стали сюжеты сновидений в произведениях авторов, представителей коренных народов Севера и Сибири: эвенкийских – А. Немтушкина и Г. Кэптукэ, хантыйских – Е. Айпина, Т. Молдановой, мансийских – П. Чейтметова и О. Кошмановой. Сновидческие мотивы и сюжетные ситуации в книгах названных авторов можно разделить на несколько условных групп, исходя из их функций и семантики. Все они связаны как с традиционной национальной культурой, так и с русской и мировой литературной традицией. Результаты: на основе семантики и функции снов в творчестве названных авторов можно выделить три группы литературных сновидческих мотивов: 1) сны, служащие средством коммуникации с вестником или потусторонними силами: в сон приходит вестник / представитель иного мира с целью передать информацию; 2) сны-путешествия в иные миры; 3) сны-предсказания: а) беды для отдельного человека или б) целого народа. Эти сны могут включать в себя мотивы двух предыдущих разновидностей, однако их отличает форма, в которой сновидец получает предупреждение: чаще всего это не слова, а образы, и для их передачи ни путешествия, ни вестники из иных миров не нужны. Сны, изображенные в исследуемых художественных произведениях, чаще всего принадлежат к двум последним вариантам: предсказание беды для отдельного человека или предупреждение о гибели целого народа. Писатели наделяют героев снами, не только требующими толкования другими (персонажами / читателями), но и дающими оценку происходящему как в тексте, так и в «затекстовой» реальности, которая ощущается авторами как кризис их традиционных культур. Этим объясняется частота сюжетов из третьей группы: писатели, опираясь на традиционные образы и мотивы, ставят перед собой задачу сохранения родной культуры, а потому превращают сновидения в аллегорические предупреждения для читателей.

Ключевые слова

мотив сна, сюжеты сновидений, пророческие сны, эвенкийская литература, хантыйская литература, мансийская литература

© Непомнящих Н. А., 2026

Для цитирования
Непомнящих Н. А. Сюжеты сновидений в прозе хантыйских, мансийских и эвенкийских писателей // Сюжетология и сюжетография. 2026. № 1. С. 62–77. DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-62-77

Plots about Dreams in Khanty, Mansi and Evenki Writers' Works

Natalya A. Nepomnyashchikh

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

nat.mir.dekabr@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-5958-0554

Abstract

The subject of this research is plots about dreams in the works of Siberian Indigenous authors: the Evenki writers A. Nemtushkin and G. Ketuke, the Khanty writers E. Aipin and T. Moldovanova, and the Mansi writers P. Cheimetov, O. Koshmanova. Oneiric motifs and situations in the books of these authors can be divided into several groups depending on their functions and semantics. All of them are related to the respective Indigenous people's cultures as well as to the Russian and the world literature traditions. Results: Based on the semantics and functions of dreams in the works of the authors mentioned above, the literary oneiric motifs can be divided into three groups: 1) dreams as means of communication to otherworldly powers or messengers: a representative of the other worlds appears in a dream in order to pass a message, 2) dreams as journeys to other worlds, 3) dreams as prophecies of misfortune for an individual or a whole nation. The dreams of the third group can include the motifs of the two other groups. However, they are different in the form in which a warning is conveyed to a dreamer: it's more often communicated directly through images without words, and there is no need for a messenger or a journey to other worlds. The dreams of the third group are more common in the mentioned aouthors' works: they either predict misfortune to a person or to a whole nation/population. Authors endow their characters with dreams that require interpretation from other characters and readers alike as well as use the dreams a way to express their views on what's happening both in their texts and in the "beyond-text" reality, which is usually perceived by authors as crisis of their traditional culture and society. The popularity of the dreams of the third group is due to this perception: the writers set themselves the goal of preserving their cultures by means of traditional motifs and images and use the dreams as allegorical warnings for readers.

Keywords

plots about dreams, oneiric motifs, prophetic dreams, Evenki literature, Khanty literature, Mansi literature

For citation

Nepomnyashchikh N. A. Plots about Dreams in Khanty, Mansi and Evenki Writers' Works. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [*Plot Description and Analysis*], 2026, no. 1, pp. 62–77. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-62-77

Введение

Предмет исследования – сюжеты сновидений в прозе авторов, представителей коренных народов Севера и Сибири, писавших о своих народах по-русски: эвенкийских – А. Немтушкина и Г. Кэптукэ, хантыйских – П. Чейтметова, Е. Айпина, Т. Молдановой, мансийской писательницы О. Кошмановой. Они стали известны во второй половине XX в., когда становится актуальной проблема сохранения родной культуры и потому рождаются книги, осмысляющие весь многовековой опыт коренных народов на фоне тех глобальных изменений, что произошли в их жизни на протяжении двадцатого столетия. Именно они стали материалом для этого исследования.

Методы

Сновидения – известный литературный прием, сновидческие мотивы разнообразны, сны внутри произведения могут реализовывать самые разные авторские интенции и сюжетные функции, чему посвящено огромное количество научных работ: психоаналитических, философских, литературоведческих и др. В литературном творчестве названных писателей такие сюжеты и мотивы восходят сразу к нескольким источникам: мифологии и фольклору, поверьям и толкованиям снов в их национальных культурах, а также, поскольку речь идет о словесном творчестве, к русской и мировой литературной традиции, которую уже не могли игнорировать образованные авторы. В связи с этим необходимо учитывать тот факт, что изучение сновидений в литературном творчестве подобных писателей иногда может потребовать междисциплинарного подхода, и здесь неоценимый вклад был сделан авторами междисциплинарного сборника «Антропология сновидений» (РГГУ, 2021), во введении к которому составитель и редактор пишет о том, что «личные рассказы об измененных состояниях сознания и сновидениях по крайней мере до некоторой степени конструируются культурой» [Лазарева, 2021, с. 12].

Опираясь на формулу Ю. М. Лотмана «сон – семиотическое окно», подразумевающую, что сон в структуре художественного произведения всегда будет «текстом в тексте» и «текст ради текста» [Лотман, 2004, с. 123, 124], отметим также тезис О. В. Федуниной, автора книги «Поэтика сна (русский роман первой трети XX в. в контексте традиции)» [2013], говорящий, что содержание литературного сна всегда есть «определенный комплекс мотивов, входящий в состав его инвариантной структуры», а «сны персонажей не только раскрывают их внутреннюю жизнь, но и имеют собственный сюжет» [Там же, с. 25]. Она называет повторяющийся в сновидениях романов первой трети XX в. мотив невозможности бегства во сне, а также отмечает, что «типическими для литературных сновидений можно считать также мотив смерти во сне и мотив превращения, изменения внешнего облика героя-сновидца или других персонажей в мире сна» [Там же, с. 31]. Эти выводы сделаны на другом материале, тем интереснее отметить, что в книгах упомянутых нами писателей типичны другие мотивы.

Е. Г. Чернышева, исследуя фантастическую повесть, называет такие сюжетные «функции “онирических мотивов”, как ретроспекция событий; “параллельный” реально-бытовому, эмпирическому событийный ряд; развернутое в цепи ирреальных событий предупреждение, направляющее события яви по иному пути; про-

гноз, оправдывающийся в реальности, а потому в какой-то мере дублирующийся в сюжете» [Чернышева, 2000, с. 18–20]. Из названных стоит отметить прогностическую функцию сна, потому что она чаще других встречается среди искомых. Задача этого исследования – очертить круг устойчивых сюжетов и мотивов сновидений, выявить и систематизировать которые позволяет мотивный анализ.

Содержание исследования

В литературном творчестве писателей, представителей народов Севера и Сибири, сновидческие мотивы встречаются часто, но они еще не изучены системно, а потому сначала необходимо ответить на вопрос: какие сюжеты и мотивы сновидений в целом встречаются в их прозе, насколько они уникальны / типичны, есть ли в них устойчивая сюжетная структура? Поскольку фольклорные источники этих мотивов пока нами не были рассмотрены, этот очерк представляет обзор повторяющихся у разных авторов мотивов и сюжетов, структуру сюжетов, их состав, но не их генеалогию.

Т. Молданова, хантыйская писательница и этнограф, связывает сны с мировоззрением народа. В жизни сны расшифровываются носителями культуры «в контексте представлений данной этнической группы» [Молданова, 2006, с. 37]. Элементы содержания снов обобщаются и группируются в соответствии с их толкованием внутри общего семантического поля традиционной культуры. По ним можно реконструировать работу мифологического сознания, заимствование чуждых культуре элементов и т. д. Ее классификация сновидений в культуре народа ханты делит все сны на четыре группы. Они подразделяются на несколько видов: «простое сновидение» (*ал вэлум*), «прямое сновидение» (*тунг вэлум*), «сбывающееся сновидение» (*йинумты вэлум*), «ясновидящее (истинное) сновидение» (*сэри вэлум*). «Простое сновидение» не требует расшифровки, считается, что такие сны ничего не значат. При «прямом сновидении» «душа» уходит в будущее, но не в иной мир. Иногда «некто» сам приходит из будущего и несет весть, такие сновидения обычно носят бытовой характер. Особенность «сбывающихся сновидений» в том, что его образы требуют расшифровки, так как они символизируют нечто иное, чем увиденное во сне. В этих снах «душа» странствует как во времени, так и в пространстве, может уходить в иные миры. Этот вид сновидений отличается большим эмоциональным воздействием на сновидца. Четвертый вид сновидений – «истинные сновидения», которые можно также перевести как правдивые, безошибочные, ясновидящие, имеют в культуре хантов наиболее высокий статус. Считаются, что они снятся не каждому человеку, а особо одаренным в этом плане людям. Специфика этих сновидений в том, что образы, которые часто интерпретируются как божества высокого ранга, потрясают людей. Полагают, что в подобных снах, предсказываются грядущие события, значимые не для отдельного человека, а для социальных групп различного уровня – от семьи до «всего мира» [Там же, с. 39–42].

Сны в исследуемых художественных произведениях принадлежат именно к двум последним группам: простые бытовые сны в книгах не встречаются, писатели наделяют героев снами, требующими толкования другими (персонажами / читателями), и сон персонажа – это «текст в тексте», помогающий не только вы-

страивать сюжет в необходимом автору русле, но и давать оценку происходящим событиям.

Сновидческие мотивы и сюжетные ситуации в книгах названных авторов можно разделить на несколько условных групп, исходя из их функций и семантики. Все они связаны как с традиционной национальной культурой, так и с русской и мировой литературной традицией. Во многих встречается мотив предупреждения или предсказания во сне, однако другие мотивы могут отличаться, потому сюжеты разные. На основе семантики и функции снов в творчестве названных авторов можно выделить три группы литературных сновидческих сюжетов.

1. Сны, служащие средством коммуникации с потусторонними силами: в сон приходит вестник / представитель иного мира с целью передать информацию (иногда это предсказание, но не обязательно именно оно).

2. Сны-путешествия в иные миры (чаще Нижний мир), где возможна встреча с представителями иного мира и получение важной вести / информации от них (чаще всего предупреждение или предсказание).

3. Сны-предсказания – сны, предвещающие беду для отдельного человека (а) или целого народа (б). Эти сны могут включать в себя мотивы двух предыдущих разновидностей, однако их отличает форма, в которой сновидец получает предупреждение: чаще всего это не слова, а образы, и для их передачи ни путешествия, ни вестники из иных миров не нужны.

1. Сон – способ коммуникации с представителями иного мира

Общение с мертвыми посредством сна – традиционный сюжет в фольклоре разных народов, неудивительно, что он переходит и в литературу. Чаще всего в таких сюжетах живые получают вести или предупреждения / предсказания от мертвых. У живого может быть вопрос, требующий разрешения, а родственники из мира мертвых помогают найти ответ. Такой эпизод есть в рассказе А. Немтушкина, который существует под двумя названиями: «Последняя воля шаманки» [1] и «Старуха Лолбикта»: пожилая женщина, в прошлом шаманка, уже хочет уйти в Нижний мир. Она осталась последней в своем роду, но духи никак не заберут ее, и тогда она пытается найти ответ на свои чаяния во сне:

> Еще зимою Лолбикта, как дедушка Амикан, предавалась спячке, дремоте и если видела сны, то подолгу раздумывала, что они значат. Во сне она выпрашивала у мужчин, некогда беспрекословно подчинявшихся ей, кусочек мяса, но они отказывали ей. Не хотели они принимать ее в свое сообщество, убегали. Как уж она ни молила, ни грозила – все бесполезно. Наконец-то увидела своего молчаливого, все понимающего мужа. Он ей всегда все прощал и там, видимо, простил. Он позвал ее, даже поцеловал. С каким радостным чувством она проснулась! (Немтушкин, 2005, с. 252).

Люди, которых шаманка когда-то знала и теперь встречает в Нижнем мире – царстве мертвых, не хотят ее символически угостить. Только муж принимает, что для нее означает: ее черед присоединиться к нему пришел, а значит, ее ожидание

[1] *Немтушкин А.* Последняя воля шаманки. Рассказ // Эвенкитека. URL: https://www.evenkiteka.ru/stellages/prose/poslednyaya-volya-shamanki/ (дата обращения 05.12.2023). Текст совпадает с текстом бумажного издания во всем, кроме названия.

собственной смерти заканчивается – она может отправляться туда, что и предпринимает.

В повести Т. Молдановой «Средний мир Анны из Маланга» героиня тоже вспоминает всю свою жизнь, готовясь к переходу в Нижний мир. В одном из эпизодов, будучи еще молодой женщиной, она видит во сне мужа, которого арестовали и забрали из стойбища и о судьбе которого ей приходится только догадываться. Он приходит к ней во сне – проститься, говорит ласковые слова и предрекает ей прожить еще долго, обещая, что будет ждать ее. Так Анна понимает, что именно в это время ее муж покинул мир живых. Он велит ей крепиться и жить вопреки трудностям и отчаянным мыслям: «Хорошо выспалась женщина в эту ночь, а утром развела третий поминальный костер» (Молданова, 2016а, с. 375). Женщина, до того потерявшая сон от горя, наконец погрузилась в сон и увидела там умершего мужа-вестника, преодолела свое вынужденно бодрствующее, тяготящее ее бессонное состояние («глухарка сна улетела от нее»), а затем справилась со всеми страшными испытаниями, которые ей предстояли на протяжении последующих сорока лет жизни. Именно этот сон становится ключевым, переломным моментом в ее судьбе: она борется за себя и детей, понимая, что помощи больше ждать неоткуда, и тем самым исполняет завет умершего мужа.

Еще один традиционный мотив – общение с представителями потусторонних сил во сне. Примером такого сновидения может служить сон главного героя из повести О. Кошмановой «Кричи сразу» (продолжение повести «Лесбег»). Эта повесть наполовину состоит из фольклорных быличек, которые рассказывают бабка Настасья и дед Егор: все они о встрече деревенских жителей с Хозяином тайги, Лесбегом, или Хумполэн-комполем – фольклорным хантыйским персонажем, оберегающим тайгу. Он суров к нарушителям лесного покоя и пугает жителей деревни.

Главный герой, впечатленный встречей с Лесбегом в детстве, становится егерем и охраняет вверенный ему участок тайги от браконьеров и рубщиков леса, он хочет, чтобы на его участке тайга процветала, как в былые прекрасные времена, когда люди еще не рассорились с лесным Хозяином. Он мечтает встретить Хумполэн-комполя, совершает обряды, как велит ему дед Егор. И наконец тот во сне вступает в молчаливое общение с героем посредством мыслей и образов. Он предупреждает егеря о ненастье и буре, просит уступить ему на время лесную сторожку. Когда парень выполняет его просьбу, Лесной хозяин, вознаграждая героя, берет егеря и земли, ему вверенные, под свое покровительство.

В этом сновидении есть элемент пророческих снов, сюжеты которых распространены в фольклоре многих народов [Лазарева, 2020], – лесной дух дает знак о предстоящей непогоде, предупреждая героя. Кроме того, у этого сна есть дополнительная функция испытания: лишь «истинный лесной человек» поймет молчаливые образы, посланные хозяином тайги, и не только правильно их интерпретирует, но и правильно поступит, проявляя уважение к тому, кто вступил в контакт посредством сна. Однако сам способ общения Лесбега с героем во сне – прием уже чисто литературный. Несмотря на то, что Хумполэн-комполь описан как подлинный персонаж хантыйского фольклора, он здесь одновременно и распространенный в жанре детской повести литературный образ мудрого наставника-защитника, что выходит за рамки устного народного творчества – несказочной

прозы о встречах с лесным / болотным духом в тайге. В книге он наделен самосознанием, психологическим портретом и даже семьей, а его молчаливое присутствие и бессловесное образное общение во сне с главным героем становится частью сюжета во второй части и благополучно разрешает конфликт, возникший между людьми и Хумполэн-комполем.

Полная сюжетная схема сновидения-общения с представителями иных миров выглядит так: *герой / героиня засыпает и видит сон – во сне он / она видит либо умерших ранее людей, либо представителей иных миров, духов, олицетворяющих какие-то потусторонние силы – вступает с ними в контакт (вербальный или невербальный) – получает от них весть / предупреждение / знак / просьбу, которые необходимо истолковать и поступить, как предписано – персонаж просыпается и осознает, что произошедшее происходило во сне – персонаж выполняет волю тех, кого видел во сне – получает вознаграждение / обещанное, предсказанное.*

2. Сны-путешествия в иные миры

Еще одна традиционная функция сна – это сны-путешествия в иные миры, в этих мирах могут встречаться разные субъекты и сущности, однако специфика таких снов в преобладании в сюжете самого процесса перемещения: движение, обстановка вокруг, предметы и люди, но, даже если случился какой-то контакт, в центре внимания не общение, а сам путь и те метаморфозы, которые происходят с героем в результате.

Путешествия в иные миры осуществляются не только при помощи сна, шаманы могут путешествовать туда иначе. Примером, когда оба эти мотива соединяются в один, служит рассказ А. Немтушкина «Последняя воля шаманки», где сон – мотив сюжетообразующий. Прежде чем уйти в Нижний мир навсегда и передать свой дар племяннице, шаманка совершает туда самостоятельное десятидневное путешествие посредством осознанного сновидения. При этом для окружающих людей она находится в странном оцепенении: они не понимают, жива та или уже нет. По пути в Нижний мир шаманка встречает умерших людей, включая мужа, т. е. получает возможность во сне общаться с уже ушедшими. Окружающие молодые люди, несмотря на ее предупреждение не хоронить, не поверили в возможность сновидческого путешествия и решили на десятый день, что старуха умела. Родственники организуют похороны. На похоронах же шаманка вдруг просыпается, напугав всех:

> Я побывала там, откуда мы приходим в этот мир. Повидалась со всеми, живут там с оленями, охотятся, ходят в походных нарядах… Я долго не могла переплыть родовую дорогу-реку, старушки не пускали, говорят, ты еще не наша… Маичу искала, эрэ, все кости устали… (Немтушкин, 2005, с. 257).

Только объявив свою последнюю волю, как по обряду ее нужно похоронить и где, шаманка уже по-настоящему отправляется в Нижний мир. Во сне, чтобы попасть к мертвым, шаманка должна преодолеть символическую границу – реку, за которую ее пока не пускают. Это важный момент в сюжете снов-путешествий: во время такого сна возникает препятствие, рубеж, отделяющий наш мир от ино-

го. Преодолев границу и побывав там, за чертой, недоступной другим, персонаж получает новое качество.

В этом рассказе сон должен продемонстрировать силу традиционных верований, подтвердить необыкновенные способности шаманов, показать древние традиции, которые не всегда признаны современниками. А. Немтушкин стремится запечатлеть обычаи утрачиваемой в конце XX в. эвенкийской культуры, потому в его рассказах шаманы подробно поясняют происходящее, иногда буквально совпадая с этнографами [Непомнящих, 2015а]. Ему важны все ушедшие из жизни обряды, типажи, характеры. Сюжет сна-путешествия, таким образом, превращается в единственно возможный для писателя способ показать эвенкам их прошлое. Для персонажа это сон-путешествие, а для читателя еще и сон-ретроспекция. Тем же смыслом наделен сон в финале его главной автобиографической повести о детстве «Мне снятся небесные олени»: «Мне часто видится одна и та же картина, снится все тот же сон: ты стоишь в темноте и кричишь: “Небесные олени, вернитесь!” Я уверен – они вернутся к тебе, Амарча» (Немтушкин, 1987, с. 149). Писатель возвращает их, но уже как взрослый, на страницах своих книг.

В рассказе Г. Кэптукэ главный герой, некогда бросивший родные места, возвращается на эвенкийскую землю. Он помнит голос, который в юности при его блужданиях по тайге (герой тогда сбежал из интерната), рассказал ему о нити времен, связующей мир воедино: тогда он услышал слова, посвятившие его в тайну гармонии мира, да он их позабыл. Теперь он снова хочет их знать и вот в тайге видит сон, переносящий его в виде небольшого паучка в мир предков. Героя зовет звук шаманского пения, устремляясь за ним, он видит раздвоенную скалу, которую ему приходится преодолевать:

> Скала эта раздваивалась на две вершины. «По какой же вершине ползти-взбираться? Если я в неизвестном мне мире, то нужно делать все наоборот, налево, не так, как на средней земле...» Полз он довольно долго и вдруг стал слышать звуки пения и танцев. Вершина скалы была огромной и плоской, как целая земля. Здесь играли, пели и танцевали молодые и старые эвенки. Здесь был какой-то праздник, все водили большой хоровод… (Кэптукэ, 1990, с. 43).

Во сне герой понимает, что он в другом мире. Своим присутствием он нарушает его гармонию, прерывает обряд. Пение и хоровод останавливаются. Даже в виде паучка в нем признают человека из другого мира. Тогда Анатолий, отвечая на вопрос, зачем он сюда пришел, спрашивает старого эвенка о сути жизни: в чем она? И старик говорит:

> Суть жизни проста, светла как солнечный луч-гарпа: все едино в нашем великом мире, все имеет один корень, и потому живи, рождая потомство, любя, как себя, всё в этом мире. Храни корень человека, не давай ему загнить нехорошими делами и свершениями. Храни жизнь, в каком бы облике она ни была (Кэптукэ, 1990, с. 44).

Герой просыпается в своей палатке и осмысляет услышанное. Дальше происходит чудо: на его глазах раскалывается дерево, и он находит внутри него «грозовой камешек»-талисман взамен того, что сжег когда-то:

> «Нет, путешествие ночью в землю Ирай Буга действительно было, – думал Анатолий… – Но зачем кто-то повел меня в путешествие? Затем, чтоб узнать, что говорил мне тот старик? Так, может, в этом и есть моя небесная Нить жизни и судьба-маин? Но что, что я могу сделать?!» (Кэптукэ, 1990, с. 45).

Этими открытыми вопросами заканчивается рассказ, однако возвращение «блудного» героя к истокам совершено, из иного мира он вернулся очищенным от прежней ноши своих грехов и задумавшимся о сути жизни.

Сюжетная схема в полной ее версии такова: *герой / героиня засыпает и отправляется в путешествие в иной мир – он / она должен преодолеть препятствие / границу миров, чтобы туда попасть – персонаж возвращается из другого мира в новом качестве, приобретенном в процессе путешествия*.

3. Сны-предсказания, предвещающие гибель или беду для отдельного человека или целого народа

Третья, самая большая группа – это сны, предвещающие несчастья как отдельному человеку, так и целому народу. Внимание к таким снам велико в каждой культуре: пророческие сны фиксируются с самых ранних времен человечества. Их можно назвать снами, претендующими на роль «истинных» или «ясновидческих», если напрямую использовать терминологию Т. Молдановой применительно к сновидческим нарративам, создаваемым в художественных текстах. В книгах писателей такие сны имеют прогностическое значение, это сны, предвещающие гибель или беду для отдельного человека или целого народа, они могут разрастаться до видения апокалиптического характера, как это происходит в поэме якутского поэта А. Кулаковского «Сон шамана» (1910) или в повестях современных авторов.

Важно, что сон подобного рода в тексте уже не воспринимается ни самим рассказчиком, ни персонажами, ни читателем как мистическое или потустороннее видение: сюжет сна, его события всегда интерпретируются исходя из актуальной реальной ситуации, т. е. сон скорее становится рациональным комментарием к происходящему: «Так, в поэме А. Е. Кулаковского “Сон шамана”, где наиболее полно выражены социальные и философские взгляды автора, архаический образ главного героя – шамана – может преодолевать пространственные и временные дистанции, в то же время он выступает и как реальный, размышляющий о своем конкретно-историческом времени мудрый старец. В этом плане мифологическое начало органически сливается с действительным содержанием и не нарушает фабульной стройности сюжета произведения» [Сивцева-Максимова, 2013, с. 136]. Таким образом, эти сны скорее выглядят как поучения писателей, их предупреждения, цель которых – заставить читателя задуматься о происходящем.

Сон-предсказание несчастья отдельному человеку можно разделить еще на две разновидности: сон предсказывает неудачу / несчастье на охоте или сон предсказывает какую-то иную беду. Как правило, вещие сны охотников встречаются в связке с сюжетной ситуацией охоты. Обычно такой сон снится герою, нарушившему один из древних заветов или обычаев, и предсказывает ему беду в качестве наказания за нарушение запрета.

Так, один из героев рассказа П. Чейметова «Два охотника» Василий не хочет соблюдать лесных обычаев своего спутника Трофима, с насмешкой относится к его просьбе благодарить солнце, небо, лес за богатую добычу. Ночью ему снится сон, который герой называет «страшным», как он попадает под скачущего коня. Утром на охоте его чуть не затаптывает лось, убить которого у охотника-новичка не хватает сноровки. Вечером, обсуждая события дня, Трофим приходит

к выводу, что сон был в руку. Однако между охотниками возникает спор насчет достоверности сновидений. Василий говорит, что «сон – вещь пустая» (Чейтметов, 2016, с. 431), ничего на деле не сбывается. Возможно, он незнаком с «истинными сновидениями» и их ролью в жизни хантов, потому что он не хант, а русский, к тому же он в целом скептически настроен по отношению ко всему потустороннему. Трофим же, хант, соблюдающий на охоте все требуемые обычаи, рассказывает ему один из своих снов, который ему когда-то растолковали как сон к богатству, однако он почему-то «после того двадцать лет жил и не разбогател». Это поселяет в нем некоторые сомнения, которые приведут его в итоге к вступлению в колхоз. Здесь для автора важен момент не только разоблачения предсказывающей силы сна, но и опровержение веры героя-ханта, который из «тьмы заблуждений» должен прийти к единственно верному мировоззрению «советского человека», вливающегося в многонациональный коллектив, оставив предрассудки прошлого, о чем свидетельствует финал.

Однако даже при всем этом в рассказе нет однозначной оценки, ложности / правдивости сновидений, а явный параллелизм в сюжете, когда события во сне повторяются потом в событиях, происходящих с героями наяву, скорее говорит в пользу «истинности» снов. Рассказ интересен тем, что автор в нем как будто подвергает сомнению и перепроверке те ценности традиционной хантыйской культуры, что были оттеснены на периферию в советское время, именовались «пережитками прошлого» и суевериями. При этом подробно описаны традиционные обряды, приметы, которые соблюдает Трофим, т. е. описаны те самые культурные особенности, которые, несмотря на изъятие их из обихода и атеистическую пропаганду, все равно оставались в сознании: недаром хант пытается истолковать сон своего русского спутника в категориях своей культурной парадигмы и видит в нем предсказание для друга, даже если тот в подобное не верит.

В романе Е. Айпина «Ханты, или Звезда утренней зари» нет прямого нарушения каких-то обычаев на охоте, однако возникает похожий сюжетные параллелизм. После того, как юный охотник убивает белку, смерть которой стоит у него перед глазами, он видит сон. Эта убитая белка с каплями крови, бьющаяся в агонии, возвращается к нему во сне и превращается в безвременно погибшего отца. Гибель животного у Айпина часто становится предвестником гибели или несчастья в судьбе героя, не всегда этот мотив связан именно со сном, как в этом романе, но здесь эта параллель явлена именно во сне.

В повестях Т. Молдановой «Касания цивилизации» и «Средний мир Анны из Маланга» героиням часто снятся сны, предрекающие несчастья и смерти: каждый раз, когда должно случиться нечто плохое и кто-то должен умереть, этим событиям предшествуют пугающие злые сновидения, в которых героини безошибочно угадывают будущее. В начале повести «Средний мир Анны из Маланга» героиня, проснувшись, испытывает страх, понимая, что случится что-то ужасное, молитвы духам не помогают, в тот же день прибывают уполномоченные, которые арестовывают и увозят из стойбища мужчин, а также всё оружие и все припасы. Женщины и малые дети остаются зимой одни, им приходится выживать, они голодают, дети болеют и умирают один за другим. Сначала Анна теряет способность спать: ее «покидает глухарка сна», но затем сны возвращаются, и перед смертью каждого ребенка Анна видит сон, в котором образно представлена его гибель. Это может быть огромная раненая рыба, поднявшаяся из воды, все чувства и ощуще-

ния которой передаются героине, или в кошмарах дети теряют руки, ноги, головы и рассыпаются на части. Одну из дочерей Анна отбила у страшных чудовищ, которые пытались попасть во сне в их жилище: она прогоняла каждое и так сумела спасти ребенка. В повести «Касания цивилизации» страшный сон станет предвестьем выкидыша и смерти героини.

Сюжетная схема в полной ее версии такова: *герой / героиня засыпает и видит сон, в котором присутствуют чудовища или необычные сущности, страшные образы животных, раненые живые существа – герой / героиня просыпается и понимает, что его / ее или их семью ждет несчастье – предпринимается попытка «отменить» несчастье: молитвы, обряды – несчастье приходит: умирает кто-то из детей, близких родственников или сама героиня / герой.*

Сон-предсказание бедствий целому народу или его гибели. С одной стороны, сны о гибели народа / мира представляют собой часть апокалиптического христианского сюжета, оказавшего огромное влияние и на другие культуры и мировую литературу, с другой же – они возможны не только в рамках христианского сознания. Здесь бывает сложно сказать, что именно первично, для каждого конкретного автора ситуация может различаться. В литературном творчестве писателей, представителей коренных народов, сновидения, предвещающие гибель герою, а в его лице и целому народу, как правило, представителем которого является сам автор, чаще всего тесно связаны с мотивами вины и утраты, составляя единый мотивный комплекс. Столь трагическая семантика снов касается по преимуществу современных произведений этих писателей и связана с общей культурной ситуацией и социальной политикой, с тем, что многие национальные языки, традиционный уклад переживают кризисную ситуацию. Помимо того, с конца XX в. происходит неизбежный пересмотр тех огромных социальных перемен, которым подверглась жизнь людей в целом и жизнь коренных народов Сибири в том числе в результате революции, коллективизации, репрессий, войн. Ситуация подведения итогов, рефлексии об истории коренных народов, трагических судеб многих находит отражение в литературном творчестве и иногда бывает представлена в форме сновидений героев книг.

Иногда неблагоприятный прогноз или предсказание напрямую выражено автором в толковании сна. Таков, например, финал в небольшом рассказе Алитета Немтушкина «Сон деда», где рассказчик говорит о своем деде:

> Однажды он рассказал мне свой сон. Говорит: «Залаяли собаки на сохатого, и я погнался за ним. Не знаю, сколько гнался, но догнал и убил. Хотел обдирать, и мне почему-то стало жарко, как в летний день. Думаю, полежу в тени. Лег, и ко мне подходит какой-то русский мужчина в овчинном тулупе и говорит: “Давай меняться одеждой. Я тебе свой тулуп, а ты мне свою парку”. Смотрю, я, оказывается, в парке. “Тебе, – говорит, – еще очень долго ходить по земле. У твоих детей будут дети, у тех будут дети, у тех тоже народятся дети – вот сколько своих продолжателей рода увидишь. Но понимать их уже не будешь, будут они разговаривать по-русски. И одежда у них тоже будет русская. Ради бутылки водки они будут продавать унты, шапки, всю еду, лишь бы только утолить душу ‘веселящей водой’… Вставай, снимай с себя парку, вот тебе русский тулуп”. Приоткрываю глаза и вижу: уходит от меня мужчина с моей паркой. Не знаю, сон или явь это была. И я тоже теперь раздумываю, то ли выдумал этот сон мой дед, то ли правду говорил. Но похоже, что его сон сбывается. Мы становимся русскими, еда, одежда, жилище – всё

> стало русское, а ребятишки не знают своего языка. Ничего эвенкийского в нас не осталось. И виноваты мы сами… [2]

Здесь сам рассказчик констатирует, что сон сбывается буквально: эвенки почти утратили язык и традиции предков. В сюжете сна есть не только предсказание будущего, но и упрек герою в том, что его дети и внуки уже не будут принадлежать родной культуре.

В прозе Е. Айпина мотив исчезновения традиций и в целом культуры хантов, гибели хантыйского народа – один из сквозных. В рассказе «Волки» этот мотив реализуется во сне героя. Л. Сязи подробно проанализировала сон охотника из этого рассказа и пришла к выводу, что «фантастический сон выглядит своего рода предсказанием судьбы этноса. Волки олицетворяют надвигающуюся цивилизацию, захватывающую земли Микуля. Автор выразил беды отдельного индивида, отражая настроение представителей этноса, символически обозначив будущее угасание хантыйского народа» [Сязи, 2016, с. 73]. Позиция Е. Айпина, переживающего утрату хантыйской традиционной культуры, загрязнение родовых пастбищ и разорение святилищ, тоже легко считывается в образах сна героя.

В повести Т. Молдановой «Касания цивилизации» во сне главной героини масштабы гибели приобретают поистине апокалиптический характер: Татьяна видит сон, в котором страшная мгла, чернота поглощает всё вокруг – от нее некуда спрятаться: «Смертельная мгла уходит в бесконечность… пожирает Землю и Небо» (Молданова, 2016б, с. 362). Этот сон приходит в благополучное время, героиня узнает, что наконец-то беременна, но «непонятная тоска легла на сердце». Важно, что сопровождается все это гулом буровой вышки. Вскоре героиня видит в тайге просеку от перевозки буровой: варварски разоренный лес, где повсюду – «растерзанные обрубки деревьев», которые «тоже были когда-то людьми». Ей вдруг представляется страшное железное чудовище, пожирающее всё вокруг. В ту же ночь ей снится еще один страшный сон: посреди прекрасного летнего пейзажа возникает фигура отца ее ребенка – он весь перебинтован и из-под повязки сочится гной. Эти сны очень рациональны и прямолинейны: авторская позиция обозначена в них отчетливо, плакатно. В повести гнилая сущность современных хантов проявляется в забвении ценностей предков: это спивающиеся люди, утратившие моральные ориентиры и связь с природой, они не только допустили нашествие нефтяников, загрязнение тайги и тундры, но и сами участвуют в нем, что обрекает их на гибель. Вскоре это происходит с героиней: она теряет ребенка и умирает от начавшегося кровотечения. В финале «железная глыба» давит ей на грудь, и она видит ту же черноту, обволакивающую весь мир, кричит предсмертно дочери: «Спасайся!» Крик разнесся «по Вселенной», «а по хантыйским землям уверенно чеканила шаг глухая цивилизация» – такова заключительная фраза повести, не оставляющая никакой надежды (Молданова, 2016, с. 366).

В повести Г. Кэптукэ «Рэкет по-тунгусски» герой, которого звук шаманских песнопений приводит во сне к предкам, получает предупреждение о том, что «человек уже начал свой бег к смерти», т. е. к своему концу – исчезновению с лица Земли.

---

[2] *Немтушкин А.* Сон деда // Эвенкитека. URL: https://www.evenkiteka.ru/stellages/prose/son-deda/ (дата обращения 07.11.2021).

В целом именно эта разновидность сюжета сновидений наиболее рационально выстроена авторами, имеет мало связи с фольклорными мотивами и чаще всего становится прямой назидательной аллегорией.

Сюжетная схема таких снов такова: *герой / героиня засыпает и видит во сне предупреждение о гибели народа или цивилизации в целом. Предупреждение может быть прямым – в речи какого-либо представителя иного мира, которого тот встречает во сне, а может принимать вид образа, чаще природного или похожего на природный феномен – при пробуждении герой пытается осмыслить увиденное / погибает.*

Выводы

Сюжеты снов имеют устойчивую структуру, воспроизводящуюся у разных авторов. Эта устойчивость, с одной стороны, задана мифологической и фольклорной традицией, которая в них отчетливо просматривается; с другой – писатели, хотя и опираются на традиционные для родных культур образы и мотивы, семиотически кодируют их в ключе, заданном авторской аксиологией.

По мысли Б. А. Успенского, «мифологический текст в условиях немифологического сознания… порождает метафорические конструкции», «в результате получается имитация мифа вне мифологического сознания» [Успенский, 1996, с. 445]. Сюжеты сновидений из книг хантыйских, мансийских и эвенкийских писателей словно иллюстрируют этот тезис: в упоминаемых книгах они хотя и связаны своей стереотипией с фольклором и мифологией коренных народов, их мировоззрением, посредством представленных в них образов и мотивов, но уже далеки от собственно мифологического сознания и не становятся попыткой его воссоздать в лице персонажей. Сюжеты упомянутых сновидений созданы писателями с иной целью: их образы и мотивы подчинены задаче сохранения народной культуры. Именно потому чаще других встречаются сновидения – предсказания трагической судьбы их народа или сны, которые можно понимать в контексте произведений как свидетельства пережитых героями испытаний, что согласуется с проблематикой кризиса традиционных культур, которой эти тексты посвящены, а также с логикой писателей, в чьем творчестве мотивы утраты и памяти становятся сквозными [Непомнящих, 2015б].

Сон – тот самый прием, что позволяет обратиться к прошлому и будущему, не отступая от актуальной для автора тематики настоящего, поэтому сюжеты снов обычно имеют прогностическое значение и предупреждают читателя не только о ходе действия, но и о его собственном будущем. В итоге сновидения в художественных текстах превращаются в иллюстрацию авторской позиции, дидактичны и в метафорическом / аллегорическом, а иногда и прямом виде транслируют авторское предостережение.

Список литературы

Лазарева А. А. Толкование сновидений в народной культуре. М.: РГГУ, 2020. 258 с.

Лазарева А. А. Вместо предисловия: об антропологическом изучении сновидений // Антропология сновидений. М.: РГГУ, 2021. С. 9–17.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2004. 704 с.

Молданова Т. А. Сновидения в культуре хантов // Этнографическое обозрение. 2006. № 6.С. 38–47.

Непомнящих Н. А. Шаманские камлания в книгах А. Немтушкина, Г. Кэптукэ и Е. Айпина: соотношение «художественного» и «этнографического» в описаниях экстатического транса // Все восторги мира: экстаз в мировом искусстве и литературе. СПб.: ИРЛИ РАН, 2015а. С. 75–85.

Непомнящих Н. А. Мотивы утраты, умирания, памяти в русской деревенской прозе и в русскоязычных произведениях писателей о коренных народах Сибири // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2015б. № 3 (122). С. 102–108.

Сивцева-Максимова П. В. Поэтика классической якутской поэмы // Вестник Бурят. ун-та. 2013. № 10. С. 135–140.

Сязи В. Л. Образы животных в прозе Е. Д. Айпина // Вестник угроведения. 2016. № 2 (25). С. 65–75.

Успенский Б. А. Избранные труды. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. 608 с.

Федунина О. В. Поэтика сна (русский роман первой трети XX в. в контексте традиции). М.: Intrada, 2013. 196 с.

Чернышева Е. Г. Проблемы поэтики русской фантастической прозы 20–40-х годов XIX века. Благовещенск, 2000. 143 с.

Список источников

Кошманова О. Кричи громче // Литературное наследие обских угров. Ханты-Мансийск, 2016. Т. 1: Мансийская литература. С. 134–152.

Кэптукэ Г. И. Рэкет по-тунгусски // Полярная звезда. 1990. № 3. С. 14–45.

Молданова Т. А. Средний мир Анны из Маланга // Литературное наследие обских угров. Ханты-Мансийск, 2016а. Т. 2: Хантыйская литература. С. 366–380.

Молданова Т. А. Касания цивилизации // Литературное наследие обских угров. Ханты-Мансийск, 2016б. Т. 2: Хантыйская литература. С. 348–360.

Немтушкин А. Мне снятся небесные олени. М.: Современник, 1987. 222 с.

Немтушкин А. Избранное. Красноярск, 2005. 512 с.

Чейтметов П. Два охотника // Литературное наследие обских угров. Ханты-Мансийск, 2016. Т. 1: Мансийская литература. С. 426–437.

References

Chernysheva E. G. Problems of the poetics of Russian science fiction prose of the 1820s – 1840s. Blagoveshchensk, 2000, 143 p. (in Russ.)

Fedunina O. V. Poetics of Sleep (Russian Novel of the First Third of the Twentieth Century in the Context of Tradition). Moscow, Intrada Publ., 2013, 196 p. (in Russ.)

Lazareva A. A. Dream interpretation in folk culture. Moscow, RSUH Press, 2020, 258 p. (in Russ.)

Lazareva A. A. Vmesto predisloviya: ob antropologicheskom izuchenii snovidenii [Instead of a preface: on the anthropological study of dreams]. In: Anthropology of Dreams. Moscow, RSUH Press, 2021, pp. 9–17. (in Russ.)

Lotman Yu. M. Semiosphere. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb, 2004, 704 p. (in Russ.)

Moldanova T. A. Snovideniya v kul'ture khantov [Dreams in the Khanty Culture]. *Ethnographic Review*, 2006, no. 6, pp. 38–47. (in Russ.)

Nepomnyashchikh N. A. Motivy utraty, umiraniya, pamyati v russkoi derevenskoi proze i v russkoyazychnykh proizvedeniyakh pisatelei o korennykh narodakh Sibiri [Themes of loss, dying, and memory in Russian village prose and in Russian-language works by writers about the indigenous peoples of Siberia]. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*, 2015, no. 3 (122), pp. 102–108. (in Russ.)

Nepomnyashchikh N. A. Shamanskie kamlaniya v knigakh A. Nemtushkina, G. Keptuke i E. Aipina: sootnoshenie "khudozhestvennogo" i "etnograficheskogo" v opisaniyakh ekstaticheskogo transa [Shamanic rituals in the books of A. Nemtushkin, G. Keptuke and E. Aipin: The relationship between the "artistic" and the "ethnographic" in descriptions of ecstatic trance]. In: All the delights of the world: ecstasy in world art and literature. St. Petersburg, IWL RAS Publ., 2015, pp. 75–85. (in Russ.)

Sivtseva-Maksimova P. V. Poetika klassicheskoi yakutskoi poemy [Poetics of the classical Yakut poem]. *Bulletin of the Buryat University*, 2013, no. 10, pp. 135–140. (in Russ.)

Syazi V. L. Obrazy zhivotnykh v proze E. D. Aipina [Images of animals in the prose of E. D. Aipin]. *Bulletin of Ugro Studies*, 2016, no. 2 (25), pp. 65–75. (in Russ.)

Uspensky B. A. Selected Works. 2nd ed. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1996, vol. 1: Semiotics of History. Semiotics of Culture, 608 p. (in Russ.)

List of Sources

Cheitmetov P. Two hunters. In: Literary Heritage of the Ob Ugrians. Khanty-Mansiysk, 2016, vol. 1: Mansi Literature, pp. 426–437. (in Russ.)

Koshmanova O. Shout Louder. In: Literary Heritage of the Ob Ugrians. Khanty-Mansiysk, 2016, vol. 1: Mansi Literature, pp. 134–152. (in Russ.)

Keptuke G. I. Reket po-tungusski [Tunguska-Style Racketeering]. *Polar Star*, 1990, no. 3, pp. 14–45. (in Russ.)

Moldanova T. A. The Middle World of Anna from Malang. In: Literary Heritage of the Ob Ugrians. Khanty-Mansiysk, 2016, vol. 2: Khanty Literature, pp. 366–380. (in Russ.)

Moldanova T. A. Touches of civilization. In: Literary Heritage of the Ob Ugrians. Khanty-Mansiysk, 2016, vol. 2: Khanty Literature, pp. 348–360. (in Russ.)

Nemtushkin A. I dream of heavenly deer. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, 222 p. (in Russ.)

Nemtushkin A. Selected. Krasnoyarsk, 2005, 512 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Алексеевна Непомнящих, кандидат филологических наук
WoS Researcher ID K6510-2017

Information about the Author

Natalya A. Nepomnyashchikh, Candidate of Sciences (Philology)
WoS Researcher ID K6510-2017

Статья поступила в редакцию 27.01.2026;
одобрена после рецензирования 20.02.2026; *принята к публикации 20.02.2026*
The article was submitted on 27.01.2026;
approved after reviewing on 20.02.2026; *accepted for publication on 20.02.2026*